

САКРАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА В ТВОРЧЕСТВЕ А.ГИЛЯЗОВА

© М.М.Хабутдинова

В данной статье на основе анализа прозы, драматургии, публицистики, эпистолярного наследия А.Гилязова выявляются ключевые образы сакральной топонимики, формирующие мифологический ландшафт национальной памяти татарского народа.

Ключевые слова: сакральная топонимика, культ предков, мифопоэтика, образы-символы.

А.Гилязов был уверен в том, что писатель – это творец национальной истории, он перекраивает первичную реальность, создавая ее заново в слове. Размышляя о природе национального чувства, он пишет: "Национальное чувство существует незримо, казалось бы, мы не говорим о нем часто и цветисто, а в реальности через мириады невидимых нитей оно передается нашим детям, близким, другим представителям нации, разбросанным по миру, от тебя – к ним, от них – к тебе". Оно в той или иной мере присутствует в душе каждого из нас. "Это чувство – хранитель духовного здоровья". Оно "вмещает в себя любовь к родной земле, родному языку, нации" [1: 4]. Писатель обращает внимание своих современников на то, что это "самое трепетное из чувств" в свою очередь нуждается в постоянной подпитке: "необходимо собирать и обобщать информацию о лучших сынах нации-просветителях, героях, духовных лидерах, людях необычайной судьбы", и тогда "национальная память" "превратится в неразрывную нить", которая свяжет поколения в реке Времени.

Среди форм сохранения и воссоздания национального чувства в творчестве А.Гилязова особое место занимает мифологический ландшафт национальной памяти. Обращаясь к молодежи, он писал: "Пересекая просторы родной земли, не забывайте, что двигаетесь вы не по травушке-муравушке, а по земле, "пропитанной кровью дедов-прадедов", "по дорогам, на которых пролилось столько слез". Помните и не забывайте, что здесь ваша "колыбель, родина", где обрели вы "для себя родной язык, фундамент, на котором получили развитие народные традиции и обычаи". "Вокруг живут удивительные люди", звучат народные песни, сказки, вам доступно "все богатство, мудрость народной души, обычаи и традиции" [2].

Общеизвестно, что у любого этноса есть и всегда были те или иные природные объекты, которые служили местами поклонения, считались священными. Как считает Н.В.Морохин, "осознание их таковыми является для человека

одним из моментов, в частности, в этнической, территориальной самоидентификации [3]. Академик Э.Д.Шукуров полагает, что на каждом пространстве существует сеть священных территорий и осознание их этносом в таком качестве – верный признак того, что этот этнос на протяжении определенного времени освоился в регионе, где он оказался в силу исторических судеб. Отсутствие такого представления, наоборот, указывает на то, что этнос считает данный регион чужим, местом, где он проживает вынужденно, временно в силу каких-то обстоятельств [4: 98-100].

В национальной самоидентификации татар значительную роль играет культ мусульманских святых. Известно, что в Казанском ханстве существовал культ могил святых Иш-Мухаммеда, Бейраша, Идриса, Касима и др. Все эти святые являлись суфийскими шейхами из братства йасавийа [5: 198]. Ученые считают, что культ мусульманских святых и их могил имеет древние истоки и сложился в эпоху средневековья, в основном благодаря суфизму. Наименование Әүлия происходит от арабского термина аулия (ед. ч. вали) – "святые", "находящиеся под покровительством (Аллаха)", "близкие, друзья (Аллаха)" [6: 45].

В своем творчестве А.Гилязов не раз обращается к изображению мест, с которыми связана память об ушедших предках. Эти элементы ландшафта, с одной стороны, навсегда запечатлеваются в сознании его героев как образ родной земли, с другой стороны, помогают сохранить им этническую самоидентификацию. В дневниковой записи от 12 января 1993 г. А.Гилязов упоминает о двух подобных святилищах: Кладбище святых (Әүлияләр зираты), которое расположено на дороге Сарманово-Альметьевск, и Булгарские могилы (Әүлияләр каберләрә) рядом с деревней Иске Кирмән, справа от дороги Казань – Набережные Челны. Писатель был озабочен тем, что большинство уцелевших на святых местах надгробий находятся в полуразрушенном состоянии, что его современники стали забывать о многих

персонажах местной мусульманской агиологии. Никто из местных жителей не смог ему поведать историю Кладбища святых, они лишь смогли рассказать о невероятных происшествиях, которые стали происходить, когда через древнее захоронение проложили новую щебенчатую дорогу: "В последнее время кладбище напомнило о себе, о захороненных здесь святых. Внезапно на ровном месте опрокидывалась машина, груженная дровами... Ни с того, ни с сего падала с воза женщина-возница... именно здесь срывались с телеги колеса". Это подвигнуло земляков А.Гилязова к реставрации Кладбища святых: "Люди опомнились, вспомнили о предках. Собрав разбросанные тут и там каменные надгробья, соорудили нечто вроде ограды. Надписи на камнях, разбросанных по округе, стерлись, осыпались и исчезли". В знак уважения "к духам предков" люди "начали сооружать вокруг кладбища железную ограду" [7: 15].

Общеизвестно, что в культуре мусульманских святых и их могил нашли свое отражение черты архаического культа предков. В дневниковых записях А.Гилязов пытается восстановить идейно-ритуальный комплекс данного культа, а именно представление о важности родства между святым и его потомками. Святые в его представлении выполняют посредническую функцию, понимаемую писателем не только в традиционном смысле как посредничество между Богом и человеком, но и в контексте идеи связи времен как основы созидания целостной национальной идентичности. Вот почему писатель, осматривая это святилище, вопрошает: "Не является ли это кладбище памятью о болгарских временах?", "Не воплотил ли в себе культ святых стремление увековечить в народной памяти представление о древних предках-булгарах?". В дневнике А.Гилязов воссоздает момент собственного приобщения общей национальной идентичности: обозревая "сквозь слезы" Кладбище святых, он внезапно осознает, что внутренне готов столкнуться с Великим чудом. Вопреки всему писатель чувствует, что в его жилах еще теплится кровь предков: "Вот передо мной прошествовали тени моих дедов-прадедов с бородами белыми, как снег. Им сто лет, двести... Тысяча! Вот передо мной промчались храбрые всадники, защитники земли-страны. Они скачут, чтобы разбудить окрестности цокотом копыт, вобравшим в себя былые битвы, о которых я не помню, но которые тем не менее остались в истории... Чьи это кости обрели здесь последний покой, а дух их так и не упокоился?".

Горькая участь кладбища подвигла писателя к философским размышлениям о сакральных

местах на территории Татарстана. С сожалением он констатировал отсутствие "настоящей карты", где были бы "увековечены святые места", куда татары "могли преклонить голову в молитве... Неизвестны могилы наших ханов; покрыты мраком имена полководцев, выступивших на защиту рубежей Идель йорта; прах наших мудрецов, воплотивших в себя дух нашей нации, покоится без должного почтения в ямах, где придется" [8: 36]¹. Чтобы увековечить Кладбище святых, писатель мечтал установить мраморный памятник, на котором будут высечены слова, озаренные священной молитвой, передающие светлую печаль потомков о безвременно почивших предках.

"Кладбище – свидетельство высоты духа, точка отсчета величия духа нации" [8: 36]. Не сумев вспомнить слов молитвы, с какой было принято обращаться к могилам святых, А.Гилязов фиксирует в своем дневнике пережитое душевное потрясение: "Чувствую, нет во мне сил обратиться к святым, нет у меня слов, оборвались некогда существовавшие узы родства. Прочитал бы в честь них молитву, не могу, так как не знаю... Вот когда они понадобились соответствующие Великие слова! Я не знаю молитв, благодаря которым моя душа вознеслась бы к небесам, соединившись с духом предков. В каком жалком и отчаянном положении я оказался!" [8: 36]. Эти дневниковые записи в дальнейшем легли в основу авторских размышлений в итоговом романе "Давайте помолимся".

В дневниковой записи от 23 января 1993 г. А.Гилязов с горечью пишет о ставшем ему из-

¹ Впервые в татарской историографии каталог святых мест на территории Волго-Уральского региона [9] был сформирован в конце XVIII в. Хусамаддином ибн-Шарафаддином аль-Булгари в "Таварих-и Булгарийа" ("История Булгар") [10]. Ш.Марджани в 1880-е гг. в "Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар" ("Кладезь сведений о делах Казани и Булгара") подверг его критическому анализу, указав на фактические ошибки и неточности [11: 187-196]. В 1920-е гг. литературоведы Г.Губайдуллин и Г.Рахим в работе "Татар әдәбияты тарихы: Феодализм дәвере" ("История татарской литературы. Эпоха феодализма") указывают на потребность общества в такого рода легендарной истории, на ее связь с традицией дастанов [12: 123-137]. В последующие десятилетия систематические исследования в данном направлении не проводились. Несмотря на это, паломничество к Кладбищам святых, самыми известными из которых являются могилы в Булгаре, сохранялось и в советские годы. Советский этнограф В.Н.Басилов утверждал, что "...культ святых выступает в исламе в четкой монотеистической форме". Причем "в сознании большинства верующих поклонение святым не противоречит учению о едином Аллахе" [13: 139-140].

вестном акте вандализма: "В Сарманово никто не удосужился перезахоронить могилы с кладбища, чья территория была отведена под строительство высоток, воздвигнув которые мы осквернили, оплевали нашу память. Лишь только сейчас я осознал все масштабы произошедшей трагедии: здесь рассыпан прах моей дорогой бабушки Гыйлембаян. Может быть, ее душа воплотилась в ласточку, чьи резвые крылья разрезают здешний воздух в теплые безветренные июньские вечера... А может быть она превратилась в соловушку, присевшего на ветви местных деревьев, чья трель, исполненная печали, щемит мою душу. Бедные предки, чей дух лишился покоя, они, наверное, ворочаются в могилах из-за обрушившегося на них уличного шума! Эх, установить бы где-нибудь в уголке мраморное надгробие в память о предках и в знак глубочайшего извинения!" [8: 36].

Повесть "Четверо" (1958) – первый опыт писателя в создании образов сакральной топонимии. Это рассказ из жизни сельских подростков, которые осенью 1944 года по решению бригадира отправляются в район с обозом хлеба. В необыкновенном психологизме созданных А.Гилязовым портретов-характеров отчетливо прослеживается тургеневская традиция (рассказ "Бежин луг"), с этим связано мастерство в создании портретных, групповых и сравнительных характеристик героев, поэтические зарисовки природы и т.д. Вместо охотника у А.Гилязова скрипач Хафиз, хромой старик лет шестидесяти. Видя разногласия среди подростков, он рассказывает притчу, сочиненную им на основе народных легенд. Именно из его уст ребята узнают о том, что гора вдали, утопающая в синей дымке – не что иное, как древний курган, под которым погребены батыры, некогда жившие на этой земле, павшие в героической битве с захватчиками. В память об их подвиге благодарные потомки выстроили дворец из белого мрамора, куда поместили мечи и пики батыров. Позднее на этом месте выросли "крепкие, высокие, стройные сосны", черпающие силы из праха героев. Несомненно, этот эпизод был написан А.Гилязовым под влиянием тукаевской поэмы "Шурале"².

² Бик хозур! Рэт-рэт тора, гаскэр кеби, чыршы, нарат;
Төпләрендә ятканым бар, хэл жыеп, күккә карап.

...

Зур бу урман: читләре күренмидер, диңгез кәби,
Биниһая, бихисаптыр, гаскәри Чынгыз кзби.
Кылт итеп искә төшәдер намнары, дәүләтләре
Карт бабайларның, моны күрсәң, бөтен сайләтләре.
Ачыла алдында тарихтан театр пәрдәсе:
Аһ! Дисен, без ник болай соң? Без дз хакның бәндәсе.

Таким образом, в повести "Четверо" народ наделяет погребальный курган священным смыслом. И это неслучайно, курган – это тотемный символ родовых территорий кочевников. Древние тюрки связывают деление мира на четыре стороны с именем Чингизхана. Так, в книге А.К.Бисенбаева "Мифы древних тюрков", в частности, указывается: "У Чингиз-хана было четыре сына, между которыми он и разделил завоеванный мир. Улус каждого сына представлял собой одну четвертую часть населенных культурных стран и пустынь завоеванного мира. Центром мира была священная Отюкенская чернь, хребет в верховьях великой матери-реки – Енисая – прародина тюрков. Здесь была ставка каганов, отсюда тюрки начали завоевание четырех углов мира. Это прекрасный край с горами, лесами и реками, где совсем нет горя и где ты можешь жить, созидавая свой вечный племенной союз... С того времени, чтобы возвеличить свою Родину, тюрки стали воздвигать огромные курганы – оба, которые видны издалека. Они напоминают горы предков, на которых обитают Тенгри... Мир тюрков также отмечен пограничными курганами. Их строили в виде каменных башен. Оба насыпали также в священных местах, чтобы умиловить духов местности. Каждый тюрк, увидев оба, должен был сойти с коня и произнести молитвы, совершить жертвоприношение, положить еще один камень или горсть земли на курган. Если же он спешил по важным государственным или иным неотложным делам, то должен был вынуть ногу из левого стремени в знак того, что он остановился у оба. Разве могут духи предков или духи, охраняющие родную землю и воду, обидеть воина, спешащего на защиту Отечества!" [14: 31-32].

В притче А.Гилязова рассказывается о том, как "оставшиеся посреди леса сироты", чтобы выжить в преддверии наступающей зимы и надвигающегося голода, "построили большой дом и начали жить как единая семья". В этом нашли свой отголосок древние представления тюрков о

/Величественно, словно воинов могучих строй, сосны,
ели стоят.

Под ними, бывало, лежал, отдыхал я и глядел на
небеса.

...

Велик этот лес – края не видать, он – как море;
Беспределен и могуч, словно Чингиза грозная рать.
Видишь это, и в памяти воскресают тотчас дедов
славные
Имена, их величие былое и державная мощь.
Раздвигается перед тобой занавес театра истории,
И восклицаешь: ах! Что же случилось с нами?
ведь и мы создание творца!// (пер. Ш.Анака)

том, что жизнь невозможна без своего Эля – "народа, без родичей и детей, без друзей и внуков. Поэтому тюрки щедро раздавали свое имущество всем, кто в нем нуждался. Тяжким грехом и даже преступлением была жадность, эгоизм, пренебрежение семьей и родичами, жестокость к животным и особенно к своему коню. Такого человека тюрки старались обходить стороной и не иметь никаких дел с ним. У такого человека не было прошлого и будущего, ибо духи предков и сам Тенгри лишали его своего покровительства" [14: 97]. Неслучайно, в повести дорога к элеватору становится для героев дорогой испытаний. Подростки открывают для себя, насколько важны в жизни человека дружба, взаимовыручка и взаимопонимание. Таким образом, курган становится для подростков не столько дорожным, сколько жизненным ориентиром.

Для древних тюрков слава предков была славой живущего поколения. Они верили, что именно предки помогают им удержать счастливое равновесие. В случае необходимости тюрки обращались за помощью к духам предков. "Поэтому тюрки знали своих предков до седьмого колена, а имена первопредков становились наименованиями родов. Духи предков живут до тех пор, пока их помнят потомки, потому то нужно вспоминать своих предков до седьмого колена" [14: 111].

Вот почему в трудные минуты тюрки перечисляли их имена и просили поддержки, а во время праздников и пиршеств в честь них приносились жертвы. Тюрки должны были обязательно знать своих предков до седьмого колена. Поэтому А.Гилязов обращает внимание читателей на то, что культ предков, в частности у татар, проявляется в поминальных обычаях, связанных с принесением жертв душам умерших. Так, старик Сулейман из повести "Рана" зарезал курицу, посвятив эту жертву духу родника, при этом не забыл упомянуть в своей молитве наряду со своими предками и умершего блаженного Багави: "Пусть место бедняги будет раю, одари его милостями, о которых он не ведал на земле" [15: 356].

Полон глубокого смысла и эпизод похорон Джихангира, когда не знающая молитв Бибинур произносит "удивительно трогательные слова", о существовании которых она не подозревала: ""Пусть будет широкой твоя узкая могила, – шептала старушка, – да не забудется вовеки имя твое в памяти людской. Да минут тебя муки ада, да простятся все грехи твои, да пребудешь ты в раю! Ибо ты желал людям только красоты и чистоты. Пусть будет земля тебе пухом, а ты, всевышний, избавь его от новых мучений!" Так

много-много раз молила она, медленно идя вдоль кладбищенского ограждения".

В древности люди считали, что их души после смерти улетают в виде птиц, и, чтобы душа не улетала далеко от тела и не бродила неприкаянно, люди сажали на могилах деревья. Именно этот поверье увековечил писатель на страницах повести "Три аршина земли": "В Карачурове, оказывается, все еще сохранились старинные обычаи. Если человек умрет, в четырех углах его могильной ограды ставят четыре высоких шеста со скворешнями. С весенними теплыми ветрами из дальних стран в Карачурово прилетает невесть сколько скворцов. Они гнездятся на знакомом, обжитом, тихом кладбище и выводят птенцов. На кладбище, потонувшем в белоснежных гроздьях черемухи и рябины, весь май неумолчно звенят птичьи песни. Чем больше у тебя родни, чем светлее память о тебе в сердцах друзей, тем дольше стоят скворечни над твоей могилой. Карачуровцы приглядывают за ними, каждый год чистят их, чинят..." [16: 128].

Старушка Бибинур ("В пятницу, вечером") тоже часто посещала родные могилы: обелиск, на котором высечено имя ее павшего на войне мужа и могилу Гайши: "На кладбище" ее "приводит долг, чувство ответственности. Ведь Бибинур приняла от Гайши ее троих детей!". Сдвоенная береза с густыми ветвями у могилы "погибшей за народное счастье" также дань писателя традиции, татары издавна используют березу в качестве могильного дерева [17].

И.С.Брагинский указывает на то, что персам "под воздействием тотемистических воззрений душа предков представлялась обычно материальным существом, чаще всего птицей... Образ души-птицы сохранился в представлении о голубе" [18: 59]. В образе души-ласточки, души-соловухи нашли свое выражение древнетюркские верования и мотивы народной лирики. "Татары душу представляют в виде белого мотылька" [19: 98]. Душу живого человека они именуют жан (перс. "душа"), а душу покойного рух (араб. "дух"). Душа, согласно поверьям, находится в теле человека, пока он жив. Татары верят, что душа во время сна покидает тело. Это привело к появлению запрета – человека нельзя резко будить, ибо душа может не успеть вернуться за столь короткое время в тело спящего, и человек умрет. Душа человека представлялась им в виде бабочки, вылетающей из тела в момент смерти. Все эти представления мусульман Поволжья, которые находят яркие параллели в верованиях других тюркоязычных народов (киргизов, казахов), увековечены в произведениях А.Гилязова.

Мотив души-мотылька у А.Гилязова встречается в рассказе "Трехколесная тележка" (1963), повести "В пятницу, вечером". Так, в "растравленном сознании" Бибинур, когда она "плакала, закрывши лицо ладонями" "у кладбищенской ограды" после похорон Джихангира, "родилась странная мысль: может, не сама она разгуливала в эти часы среди людей, а только ее прозрачная, как крыло бабочки, душа? Она, объятая горем-страданием ее душа, приехала сюда, в Тегар-жеп?! А тело осталось там, в деревне?". Бибинур и Джихангир олицетворяют собой душу татарской деревни. Гибель героев – символический итог национального беспамятства, духовного кризиса общества.

Сакральная топонимика в художественном сознании А.Гилязова дополняется топосом "татарского города". В статье "В ожидании духовного возрождения" (1992) писатель, размышляя о будущем татар, пишет о том, что в облике городов Татарстана должны проявиться черты татарского города. Он мечтает о том, как на одной из башен Казанского Кремля засияет полумесяц, на Площади Свободы появится памятник защитникам Казани, будет приведено в порядок Татарское кладбище в Ново-татарской слободе, где увековечены Г.Тукай и С.Сайдашев. В статье "Казань. Моя Казань!" (1992) А.Гилязов называет три города, которые являются колыбелью татарской нации: Булгар, Биляр, Казань. Размышляя о судьбе татарской столицы, он констатирует, что со дня основания в городе жили представители разных национальностей. "Казань для булгаро-татар стала очагом надежды, источником жизненной силы". Город унаследовал от Булгар его торговое и политическое значение.

Писатель был восхищен масштабом личности хана Олуг Муххамеда, сведения о котором он почерпнул из работы М.Худякова "Очерки из истории Казанского ханства": "Большой ум, громадная энергия и колоссальная предприимчивость характеризует личность Улу Мухаммеда... План основания Казанского ханства можно назвать легендарным, потому что хан Мухаммед понял особенность древнего культурного местного населения и, задумавши восстановить мусульманское государство на Среднем Поволжье, правильно оценил шансы на его прочное существование. Дальновидный проект был выполнен с огромным умением, и вновь созданное государство оказалось очень могущественным". Вот почему А.Гилязов в письмах и дневниках не раз сокрушается из-за того, что утрачена ханская усыпальница в Казанском кремле, которая могла бы для татар стать местом паломничества.

Сакральным центром казанской столицы становится также для А.Гилязова Башня Сююмбике. В статье "Мы строим татарский город под названием Казань" (2000) писатель рад тому, что город постепенно приобретает черты столицы татарского мира: реставрируются мечети Старо-татарской слободы, в Казанском Кремле на месте руин строится новая мечеть Кул Шариф.

Таким образом, сакральная топонимика у А.Гилязова, способствуя восстановлению мифологического ландшафта национальной памяти, становится средством моделирования национального сознания.

*****

1. *Гилязов А.* 1993 елның 15 октябрендә // Хәтер көнөндә радио аша ясаган чыгышым". – С.4.
2. *Гыйләжәв А.* Үкенечкә калмасын! // Идел. – 2002. – №1. – Б.28-31.
3. *Морохин Н.В.* Татарские природно-культурные памятники нижегородской области в образовательном процессе // URL: <http://idmedina.ru/books/materials/?885> (дата обращения 12.12.2010).
4. *Шукуров Э.* Смысл Дикой Природы // Гуманит. эколог. журнал. – 2000. – Т.2. – С.98-100.
5. *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. – Казань: Фонд ТЯК 1990. – 310 с.
6. См.: *Кныш А.Д.* Вали // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С.45; *Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм. – М.-СПб.: ДИЛЯ, 2004. – 464 с.
7. Дневник писателя: 12 января 1993 г. – С.15. (неопубликованный источник).
8. Дневник писателя: 23 января 1993 г. – С.36. (неопубликованный источник).
9. См.: *Хабутдинов А., Хабутдинова М.* "Таварихи Булгария" // Ислам на европейском Востоке. Энциклопедический словарь. – Казань: Магариф, 2004. – С.314-315; *Франк А.* Исламская историография и "булгарская" идентичность татар и башкир в России. – Казань: РИУ, 2008. – 266 с.
10. *Мөслими Х.* Рисалия Тәварихы Болгария– Казань: Б.м., 1887. – 40 с.
11. *Мәржани Ш.* Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. – 415 б.
12. *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы: Феодализм дәвере. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1925. – 316 б.
13. *Басилов В.Н.* Культ святых в исламе. – М.: Мысль, 1970. – 144 с.
14. *Бисенбаев А.К.* Мифы древних тюрок. – Алматы: Ак Арыс, 2008. – 120 с.
15. *Гыйләжәв А.* Әсәрләр, дүрт томда. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1994. – Т.4: Хикәяләр. Повестьлар. – 574 б.
16. *Гилязов А.* Три аршина земли // *Гилязов А.* При свете зарниц. – М.: Сов. Россия, 1990. – С.99-159.

17. См.: *Хабутдинова М. "Драгоценный камень"* А.Гилязова // Мир татарской литературы: Аяз Гилязов. – Казань: Магариф, 2008. – С.251-252.
18. *Брагинский И.С.* Из истории таджикской народной поэзии. – М.: АН СССР, 1956. – 232 с.
19. *Хисамов Н.Ш.* Поэма Кысса-и Йусуф Кул Али. – Казань: Дом печати, 2004. – 252 с.

THE SACRAL TOPONYMY IN THE WORKS OF AYAZ GILYAZOV

M.M.Khabutdinova

Ayaz Gilyazov became a creator of myth' landscape in the historical memory of Tatars. This article exposes the key topics of sacral toponymy in his prose, drama, publisism and epilostology.

Key words: sacral toponymy, ancestors' cult, mythopoetics, images-symbols.

* * * * *

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна – кандидат филологических наук, начальник Управления по науке и послевузовскому образованию Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: mileuscha@mail.ru

Поступила в редакцию 25.10.2010